

**Приложение
к книге Алексея Серого "Нашедшийся":
беседа Автора и Составителя**

1 октября 2018 г., на позолоченной карусели...

Тереза Стизорик: Для начала я расскажу, почему твоя книга посвящена американскому карикатуристу и музыканту Джону Каллахану. Если коротко, он нас познакомил. Если развёрнуто, это фантастическая история. В конце августа 2018 я побывала на кинопоказе фильма "Не волнуйся, он далеко не уйдёт", экранной биографии Каллахана, о творчестве которого я, кстати, раньше ничего не знала. Фильм был посвящён преимущественно его борьбе с алкогольной зависимостью и работе художника, о том, что он пишет песни, упоминалось буквально одной фразой, но в титрах звучала песня с его альбома "Purple winos in the rain", и она мне понравилась. Я нашла альбом, и Джон как музыкант и исполнитель очаровал меня, и мне захотелось сделать переводы его песен... Все они рассказывают истории, вдохновлённые его посещением известного собрания бросающих пить, и встречи этого же собрания проходят через сюжет фильма. Поэтому, желая лучше проникнуться духом переводимых текстов, после одного из жадных повторных просмотров "Он далеко не уйдёт" я пришла на такую встречу за атмосферой... Город большой, групп много, встречи проходят каждый вечер, но я пришла наугад – и два поэта оказались в паре метров друг от друга.

Алексей Серый: Я тоже хожу в ту группу не каждый день, и нашу встречу сложно назвать случайностью. Я-то понимаю, Кто её организовал... Не знаю, заметила ли ты, но я на протяжении всего собрания за тобой наблюдал. Ты не просто присутствовала – ты действительно *слушала*... так внимательно... Я в тебе сразу почувствовал что-то необычное. Для тебя было как-то по-особому важно всё, что происходит, тебе были как-то по-особенному интересны люди вокруг...

Тереза: Компания в тот вечер собралась удивительная. Лица были добрыми, голоса одухотворёнными, истории образными. Такое чувство, что кто-то отрежиссировал эти полтора часа к моему приходу. Мне понравилось, как ты рассказывал о себе: не оправдываясь (что я постоянно делаю на исповеди!), с огоньком горячей души в грустных деталях истории, с живой, почти хулиганской смесью реализма и оптимизма. Ты говорил и непринуждённо, и знакомо-литературно. Мне нужен был кто-то, кто меня "введёт в роль", и я почувствовала, что это ты. Причём, взглядов твоих на меня – я не заметила, я больше слушала, чем смотрела, и когда оказалось, что общение будет интересно и тебе тоже, это был сюрприз.

*для разговора – поэты пристроились на первую дворовую карусель,
а на ней – позолота...*

Алексей: Ты даже не сказала, что интересуешься поэзией, я первым начал цитировать стихи.

Тереза: Поочерёдно – классиков английской поэзии и поэтов русского рока.

Алексей: Мои вкусы.

Тереза: И я угадала, что тыпишешь и сам. Гуляя по старым кварталам у реки, мы начали обсуждать это, и я за несколько улиц поняла, что хочу сделать книгу твоих стихов. Я сказала тебе об этом – и в следующую секунду над нами вспыхнул фейерверк!!!

Алексей: Совпадений и вправду было много. Но они больше впечатлили тебя, а меня впечатлило другое. То, что ты относишься ко мне без страха и предвзятости. При том, что я уже рассказал, что в прошлом употреблял наркотики и алкоголь, что отбыл не один срок в тюрьме, что я весь татуированный...

Тереза: На твоей манере общения нет следов пугающих сторон твоей истории, а к татуировкам я отношусь нейтрально. В юности я рисовала инициалы Дэвида Боуи на кисти руки. Обычной ручкой, но чернила тогда были – ядерные, мыло не брало ☺!

Алексей: Татуировки многих настораживают. Уже одни они. А если человек узнаёт о криминальном прошлом...

Тереза: Расскажи, как вообще получилось, что таковое есть.

Алексей: Я скажу – как ты говорила: коротко и развёрнуто. Если коротко, то о времени моей юности один человек сказал: "Тогда было модно быть блатным". Если развёрнуто... Свою роль сыграла моя врождённая бунтарская природа. Для моих родителей в жизни было главное, чтобы мы были *как все*, и на меня это в детстве давило. Меня и теперь от этого "как все" воротит. А в семье я был окружён постоянным переизбытком "показушности" – чтобы не подумали, что мы живём хуже, чем остальные, чтобы люди за спиной чего-то не сказали... Я не хотел играть по этим правилам, не хотел подстраиваться под общую однотипность. Но если сейчас у подростков много способов самовыразиться, не причиняя вреда себе и другим, то в те времена было..... конечно, не "шаг в сторону – расстрел", но не очень далеко от того. Я приведу простой пример, чтобы ты поняла. В своё советское детство – пионером я

пробыл четыре часа, а потом меня со скандалом исключили, и родители, а с ними – несколько не особо консервативных педагогов, еле договорились, чтобы меня не отправляли в спецшколу для "проблемных" детей. Произошло же только то, что, впервые повязав красный галстук, я в столовой демонстративно развернул его концами назад.

Тереза: Щёгольски!!!!

Алексей: Моя классная руководительница тоже так подумала. Она мне исписала красной ручкой весь дневник. Сколько страниц было, на столько и изложила свой ужас. Было бы у меня три дневника, она бы исписала их все. И грянуло Большое Разбирательство, когда все собираются и набрасываются на одного, и, как я уже сказал, обошлось лишь благодаря родительским связям. Здесь надо отдать должное моим родителям: мы могли не понимать взглядов друг друга, отношения у нас могли складываться не лучшим образом, но если я попадал в передрагу – они вставали за меня горой. Но история с галстуком на этом не закончилась. Интересно то, что у меня и *последователь* появился.

Тереза: Ещё бы!

Алексей: И у него тоже были проблемы с нашей классной. Но на выпускном снимке – эта же учительница нас двоих обнимает за плечи. Она всё-таки любила обаятельных хулиганов.

Тереза: Значит, начиналось с протеста...

Алексей: Когда любое отступление от норм практически приравнено обществом к нарушению закона, иначе начинаешь смотреть на само нарушение закона. Я не искал общества наркоманов и воров – я искал тех, кто посвободней от рамок, и так оказался в кругах, где мне было комфортнее, чем среди тех, кто по первому чиху встаёт по стойке смирно. Выражение "меня воспитала улица" – обо мне. Но, насколько не оправдывая совершение преступлений, я бы не сказал, что это было абсолютно безнравственное воспитание. У воров, которые меня учили своему ремеслу, был свой кодекс чести, было, не побоюсь этого слова, благородство.

Тереза: Ты идеализируешь прошлое.

Алексей: Да нет, это всё было далеко от нравственного идеала. Но и не полностью деморализовано, это точно. В моих тогдашних кругах, какими я помню их, может быть, не было стопроцентных Робинов Гудов, но закоренелый вор откровенно говорил "да, я такой вот хулиган, что есть, то есть" и при этом старался вести себя максимально человечно – особенно с теми, кто слабее. А сейчас смотришь по сторонам – сплошь и рядом человек позиционирует себя как честного, потому что формально не нарушает закона, а сам только и ищет возможности у слабого отнять последнее.

Тереза: Ты разочаровался в людях?

Алексей: Не во всех. В некоторых.

Тереза: А в себе?

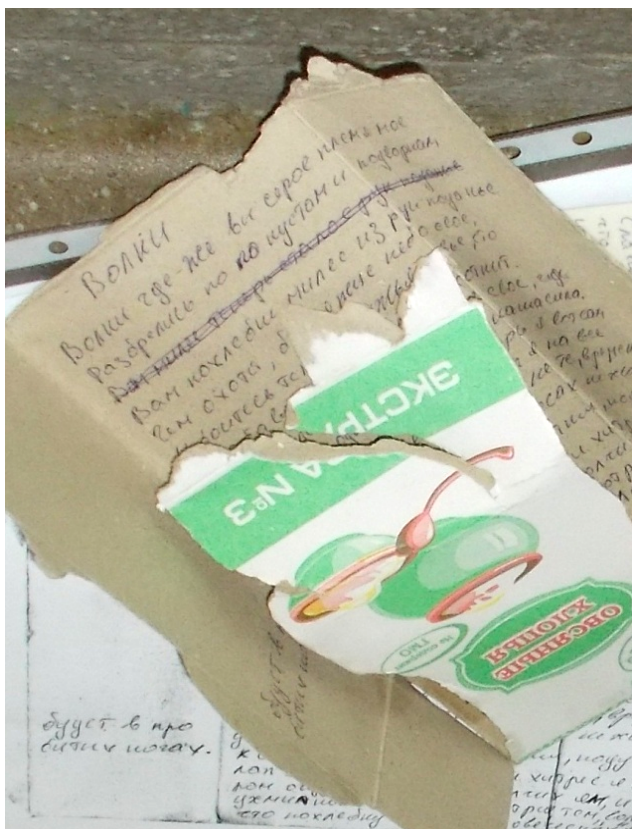
Алексей: Это не разочарование, это другое... Я понимаю, чего мне недостаёт. А если ты о Прошлом... Нет, тоже не разочарование. Я был преступником, я не был злодеем по сути. К счастью, мой образ жизни не стал моей сущностью. Я, вообще, во многом "легко отделался". Как человеку, сохранившему светлую сторону души, мне повезло в том, что за свою криминальную веху не успел натворить вещей, обрекающих на пожизненные пытки совести. А как поэту повезло в том, что не пытался искать в наркотиках творческий стимул, и творческий импульс остался свободным от них. Я писал и под наркотиками, и без них, и мне самому нравятся как раз те стихи, которые написаны в период выздоровления, восстановления.

Тереза: Они и вошли в книгу. Я тоже их выбрала. Но мне хотелось бы, чтобы их было больше.

Алексей: Я пишу мало, в особом порыве. Когда уже само рвётся из сердца.

Тереза: А иногда и вместе с сердцем...

Алексей. Иногда и вместе. В такие моменты даже не до красоты рукописей: случалось, записывал на коробках от чая, на пачках от овсянки...

те самые овсяные хлопья

Тереза: О-о-о, эти коробки ♥! Когда я попросила тебя принести не набранные стихи, ты предупредил: "У меня есть рукописи – на пачке от овсянки". Я, мысленно: "Какое свежее сравнение нашёл для неразборчивого почерка!" И вот приходишь ты и отдаёшь мне в руки пакет с бумагами... Я заглядываю, а там... ОНА... (восхищённо) овся-я-я-нка-а-а...

Алексей (с весёлой многозначительностью): Овсянки ещё много.

Тереза: Когда ты начал сочинять стихи?

Алексей: Не помню, но творческая жилка – была всегда. Где бы я ни работал, мне доверяли делать что-то творческое, к чему можно приложить душу.

Тереза: Ты редко пишешь пейзажную лирику, но, деля с тобой прогулку, сразу замечаешь, как ты зорек к повседневной, окружающей красоте. От тебя не ускользают мелочи, которые просятся в стихи. Откуда у тебя эта зоркость?

Алексей: Здесь всё просто: в Минске я всегда жил в старых домах возле старых парков. Когда переезжал, шутил: "Сменил парк". Если даже в самые серые будни – вокруг живописные места, невольно засматриваешься... и всматриваешься... и потом уже и на другие вещи начинаешь так смотреть... Когда довелось недолго поквартироваться в новостройке, чувствовал – всё не то, даже мышление у жильцов другое. Малоэтажные дома среди высоких деревьев – исцеляют от вынужденной суеты. Такой дореволюционный дух... (смеясь) и я – дореволюционный...

Тереза: А любовь к литературной речи откуда? Ты не сквернословил в повседневном общении, у тебя даже сорных вводных словечек нет. И после многих лет в тюрьмах – ты не пользуешься жаргоном.

Алексей: Если вспомнить круг моего общения в тюрьмах, то это были преимущественно интеллигентные люди, с которыми можно поговорить. Мы не общались с ними на жаргоне. Но я отлично его знаю. И я не считаю, что моё владение тюремной лексикой это "минус". Я отношусь к жаргону с уважением. *Жаргон – это подвид языка. Чтобы на нём разговаривать, нужно изучать его так же, как изучал бы иностранный язык.* И, что немаловажно, понимать, с кем и в каких ситуациях можно на нём говорить. Меня корбит, когда я слышу, как люди, не владеющие жаргоном, пытаются невпопад вставлять в свою речь какие-то выхваченные из него слова. Им кажется, это делает их круче, но в глазах знающего человека они комичны.

Тереза: Надо их познакомить со вставляющими в свои речи заумные слова по-чём зря. Это, наверное, родственные души ☺.

Алексей: В отношении "литературной речи"... не знаю уж, насколько она у меня литературная... но я могу точно сказать: *когда подчищаешь сор в жизни, грязь в речи нужно убирать обязательно, иначе она будет потихоньку разноситься по остальным сферам жизни.*

Тереза: Ты даже самое дерзкое – пишешь классическим слогом. Это, по-моему, выразительный штрих к твоему портрету.

Алексей: Это, наверное, ключевой штрих. Я весь в этом: в том, что два моих любимых Поэта – Байрон и Высоцкий.

Тереза: Высоцкому посвящено одно из твоих стихотворений.

Алексей: "Волки". Отклик на песню "Конец охоты на волков". Причём, что это отклик, я сам понял не сразу. Я, когда писал это стихотворение, не сознавал, что цитирую Высоцкого: эти образы были настолько родственны моему сердцу, что я чувствовал, они идут от меня самого...

Тереза: Это твоя любимая песня Высоцкого?

Алексей: Я люблю больше первую часть, "Охоту на волков". Знаешь, какие у меня там любимые строки?

Тереза: Про флажки?

Алексей: Да. Про то, как волк вырвался за флажки.

Тереза: Я на этих строчках всегда улыбалась – улыбкой с целой палитрой эмоций. *"Только сзади я радостно слышал / Удивленные крики людей"*.

Алексей: Волк сделал то, чего от него не ждали, он разрушил людскую предвзятость. Когда постоянно сталкиваешься с предвзятостью, рискуешь в неё поверить, но нужно собраться – и за флажки. Предвзятость – губит не тебя, а предвзятых. *Это даже хуже, чем плохо вести себя самому, – быть заранее уверенным, что другой поведёт себя плохо.* Тем не менее, мы живём среди чужих стереотипов. Но кто мыслит стереотипами – много теряет в общении с людьми.

Тереза: В тебе так сильно свободолюбие. И в тебе *от природы* есть всё то подлинное, ради иллюзий чего люди прибегают к искусственным стимуляторам. А ещё есть вера и желание жить не только ради себя. Как получилось, что при всём этом – ты срывался и возвращался к наркотикам?

Алексей: Если бы за голосом разума всегда оставалось последнее слово, это не было бы зависимостью. Но я и сам едва успел понять это. Осознание силы зависимости приходит не сразу, лично мне нужно было оказаться на самом дне, чтобы увидеть, что происходит, и начать выздоравливать. А процесс выздоровления будет

возле уличной инсталляции – зеркала с надписью "Измени угол зрения"

Волк и Мартовский Заяц

длиться всю жизнь, даже если срывов больше не произойдёт. Моя книга в целом позитивная, она о победе. И мой настрой в жизни – позитивный, настрой на победу. Но не стоит представлять себе, что вот человек завязал с наркотиками – и сразу всё у него солнечно и радужно. Тяга сорваться – остаётся, она может накатить в самый непредсказуемый момент. Я свернул на другую дорогу, но всё равно иду по грани. Я с этим живу, с этой близостью грани, с её остротой.

Тереза: Что тяжелее всего в "жизни на грани"?

Алексей: Зыбкость покоя на душе. Я знаю и ценю состояние душевного мира. Но оно не постоянно. Даже с верой в душе – я не достиг полного покоя, непрерывно идёт внутренняя война. Бывает очень трудно. Вроде бы, светлая полоса жизни, одно хорошее со всех сторон, и не просто приходит, а прямо-таки валом валится... А внутри – тяжело, внутри – борьба. Это изнанка моей болезни. Кто подумывает начать принимать наркотики, должен знать, что, если он начнёт, возвращение к душевному покою и сохранение его – уже никогда не будет лёгкой задачей.

Тереза: Это применимо к любой зависимости. Второе название зависимости – Непокой.

Алексей: Но если не поддаться, узнаешь, как это хорошо, когда буря в душе успокаивается. Я знаю, как это хорошо. В такие периоды пишешь благодарственные стихи, можешь поддержать других... а потом снова – шторм.

Тереза: Тогда самый больной для меня вопрос. Если человек уже вынес урок из борьбы с искушением, если принял твёрдое решение не поддаваться, для чего, по-твоему, продолжает приходить это искушение? Для чего его допускает Бог?..

Алексей: Если мы вынесли все уроки, возможно, искушение приходит уже не ради нас, а ради тех, кому мы сможем помочь благодаря тому, что его испытываем. Когда у нас долго нет искушений, эмоциональный разрыв между нами и теми, кого мы можем отвести от них, возрастает, и они чувствуют это даже сильнее, чем мы. Если мы боремся сами, между нами и теми, кому мы можем помочь в борьбе, иной уровень доверия и понимания.

Тереза: Да, и это удивительно: хотя "каждый сам за себя", мы вроде соратников.

Алексей: Если принять ответственность, которую это накладывает, в ней можно черпать вдохновение: мы не должны поддаваться искушению не только ради себя, но и ради тех, кого наше падение лишит дополнительной поддержки. Но это не значит, что если мы сами сорвались, мы не имеем права советовать людям не делать

этого хотя бы в качестве "сапожников без сапог". Убедительность будет намного меньше, но даже её может хватить, чтобы человек продержался до встречи с тем, кто будет более убедителен.

Тереза: Что тебе самому помогает удержаться от срыва?

Алексей: Прогулки. Встречи с понимающими людьми, которые вовремя гасят чувство одиночества, чтобы оно не перешло в уныние. *(С улыбкой.)* Печеньки. Я разные печеньки люблю – с хорошим чаем. *(Серьёзно.)* Маленькие подарки нуждающимся помогают. *Нужно нарушить тот ход вещей, к которому был приучен в прошлом. Я, например, брал чужое, и теперь, когда мне плохо, я что-то отдаю нуждающимся – и мне становится легче.* Я пока на этом уровне, к эмоциональной жертвенности я ещё не готов. Недавно нужно было позвонить матери тяжелобольного человека, и я не смог, знал, что не вынесу эмоций этого разговора. Я не позвонил, вместо этого отправил подарок, потому что понимал, что нужно взвешенно оценивать свои душевные силы. Это тоже можно добавить в список защиты от срыва: сохранять представление о резерве своих душевных сил.

Тереза: Ты написал не одну молитву в стихах. Умение *высказать* свои переживания в разговоре с Богом – неоценимо для духовной борьбы. Часто бываешь в Храме?

Алексей: Не регулярно, но всегда искренне. Дважды я жил при монастыре некоторое время... Но, если честно, мне там не понравилось. Во многом потому, что два срока я отбывал в тюрьме, размещавшейся в здании, где когда-то находился монастырь. Изогнутые своды, арки, камеры в бывших кельях...

Тереза: Это даже красиво.

Алексей: Красиво. А ещё очень сыро и холодно. В здании, где я жил, первый этаж был затоплен. Мы спали на отсыревшем бетоне... Я вспоминал это в монастыре. К тому же, с этой строгостью послушания, жёстким расписанием дня – у меня возникало ощущение, что люди служат Богу из-под палки.

Тереза: Я очень даже не против, чтобы меня заставляли служить Богу из-под палки. Хорошая страховка от нерадения. *(Грустно.)* Ко мне вообще давно пора приставить человека с дубинкой, который будет поддавать мне за каждую псевдодуховную выходку.

Алексей: Мне хватило дубинок вне храма. Поэтому близка та свобода в проявлениях веры, когда идёшь мимо церкви – душа позвала, зашёл, побыл с Богом. Но молюсь, конечно, не только в храме: в мыслях – постоянно, и когда мне хорошо, и когда мне плохо... Божье участие от меня не ускользает, я замечаю его, и я благодарен.

Тереза: Что для тебя вера?

Алексей: Избавление. Переосознание. Готовность.

*"Клёна листья, солнца дорогие,
Может, вы меня и сберегли..."*

Тереза: Какой находкой, сделанной во время своих личных душевных раскопок, ты дорожишь?

Алексей: Открытием, что в жизни всё не так фатально, как мы думаем, и многое зависит от нашего выбора и искренней веры, что Бог всё управит.

Тереза: Назови главное различие в твоём отношении к жизни и к творчеству.

Алексей: Я люблю простоту в жизни, а в творчестве люблю вещи с подтекстом, чтобы даже детские мультики были – глубокие.

Тереза: Что ты сейчас читаешь?

Алексей: Сейчас – ничего. Я постоянно читал в тюрьмах. Сейчас на это нет вдохновения, много душевных сил отнимают житейские хлопоты. Нужно решить целый ряд бытовых вопросов, хотя каждый день у меня посещение врача, а по вечерам мне нравится ходить в группы поддержки. Бывают дни, я устаю и ворчу. Но бывают и дни, когда на меня накатывает чувство: *как же хорошо беспокоиться о простых будничных делах, а не о том, где найти следующую дозу*. Это другое качество жизни. Когда я думаю о вещах с этой стороны, бытовые заботы, которые казались утомительными, делают меня почти счастливым.

Тереза: Почти?

Алексей: Я был бы счастлив, если бы заботился не о жилище, а о Доме. Я всё думаю, когда уже у меня будет Дом?.. не место жительства, а Дом в его истинном значении: место, где тебя *ждут*. Меня никто нигде не ждёт... То, что мне это не безразлично, знак для меня, что я не загрубел. Может, мне и хотелось загрубеть, но не получилось. Это я с виду такой брутальный, внутри я мягкий (*смеётся*). Но, слушай, я не хочу себя подать как "белого и пушистого". Я человек неудобный во многих отношениях – в общении, в быту... После всех внутренних перемен я тяжело воспринимаю любые изменения в личном пространстве. Мои романтические представления на грани сказок. Я чувствую людей, и при этом никогда не социализируюсь до конца. И я всё больше ухожу в себя, хотя хочу взаимодействия и близости. С моего последнего ареста прошло восемь лет, но некоторые психологи говорят мне, что у себя в голове – я до сих пор в тюрьме. Правда, есть и те, кто говорит обратное: что для своего внутреннего освобождения я сделал и делаю почти невозможное. Мне говорили, что это подвиг – с таким-то опытом к чему-то светлому стремиться, чего-то светлого искать. Но это не подвиг – это сама жизнь, человеческое прирождённое: то, что есть в людях до того, как они превратят свою жизнь в театр. Если бы мы больше верили в светлое, вместо того, чтобы иронизировать над ним, нам меньше сложностей приходилось бы "разруливать".

Тереза: Мы с тобой обсуждали, стоит ли рассказывать Читателю, что тюремные лагеря и зависимость, упоминающиеся в стихах, – относятся к реальной жизни Автора. И ты сказал мне, что если человек сам знает, кто он есть, ему не страшно, что это узнают другие, а боятся – те, кто себя обманывает.

Алексей: Любой опыт имеет свою ценность. Если ты прячешься от собственного опыта, ты не сможешь взять из него то, что как-то поможет другим. Ты даже сам себе не поможешь так, как может помочь смело сопоставляющий прошлое и настоящее.

Тереза: К вопросу опыта, из которого можно взять то, что может помочь. Помнишь, ты удивился, что я, по жизни не употребляющая никаких одурманивающих средств, кроме пьянящих произведений искусства, хорошо знакома с легендарной книгой о преодолении зависимости. Эту книгу я внимательно изучила потому, что заметила, что от алкогольной зависимости немногим отличается пристрастие к чувствам, мыслям, желаниям и поступкам, мешающим вести чистую внутреннюю жизнь. Из книги о том, как бросить пить, я брала советы, которые срабатывали в борьбе с тягой к тому, что вредит духовности. И я думаю, твои ответы на вопросы о наркотической зависимости также будут полезны мне и другим в духовном плане.

Алексей: А для меня было полезно увидеть своё творчество в твоём составлении. Когда я прочёл разбросанное раньше на листках в полном хаосе как цельную книгу, я почувствовал, как это символично, что я стал жить новой жизнью – и мои стихи получили новую жизнь.

Тереза: Что для тебя самое важное в этой книге?

Алексей: То, что нам удалось сохранить в ней, не разлучая, бунтарское и духовное. В процессе происходящих в моей жизни перемен я лучше понял, что во мне остаётся много бунтарского, и я не хочу избавляться от этой части себя, я хочу, чтобы она менялась вместе со мной. И книга подтверждает: чтобы обнажить свою духовную сторону, не обязательно прятать бунтарскую.

Тереза: Я, как и ты, не считала, что нужно "завуалировать" или "засахарить" бунтарское начало; оно должно оставаться в стихах как важная часть тебя, иначе это будет уже не твой настоящий голос, ведущий рассказ. Но и основной упор не должен делаться на него, потому что ты – *не только* бунтарь, в тебе ещё много интересных черт, раскрывшихся с ходом жизненных перемен.

Алексей: Да, это хорошо, что ты не убрала контрастные моменты. Не уверен, что я принял бы книгу без них. Потому что для меня важно донести, в том числе до себя самого, то, что человек может оставаться собой, меняясь. *Обновление – это не предательство себя.* Можно жить новой жизнью, стать новым человеком в плане оценки многих жизненных вещей, но сохранить свою сущность. А ведь именно её боятся потерять люди, задумываясь о возможности перемен, в первую очередь – духовных.

Тереза: Я понимаю. В разное время мы можем ставить акцент по-разному: на первую часть словосочетания "новый я" или на вторую, но важно, чтобы из него не исчезало слово "я", иначе и слово "новый" станет бессмысленным.

Алексей: В человеке намешано много созидательного и разрушительного. Так намешано, что может показаться: уберёшь разрушительное – и это будешь уже "не совсем ты". Но это иллюзия, без разрушительного ты себя не потеряешь, напротив – у тебя будет больше сил, чтобы быть собой, и больше сил, чтобы этому радоваться. А вот если ты начнёшь убирать созидательное, это другая история.

картинка, сложенная из магнитиков Терезой на собрании
в вечер знакомства с Алексеем ;)